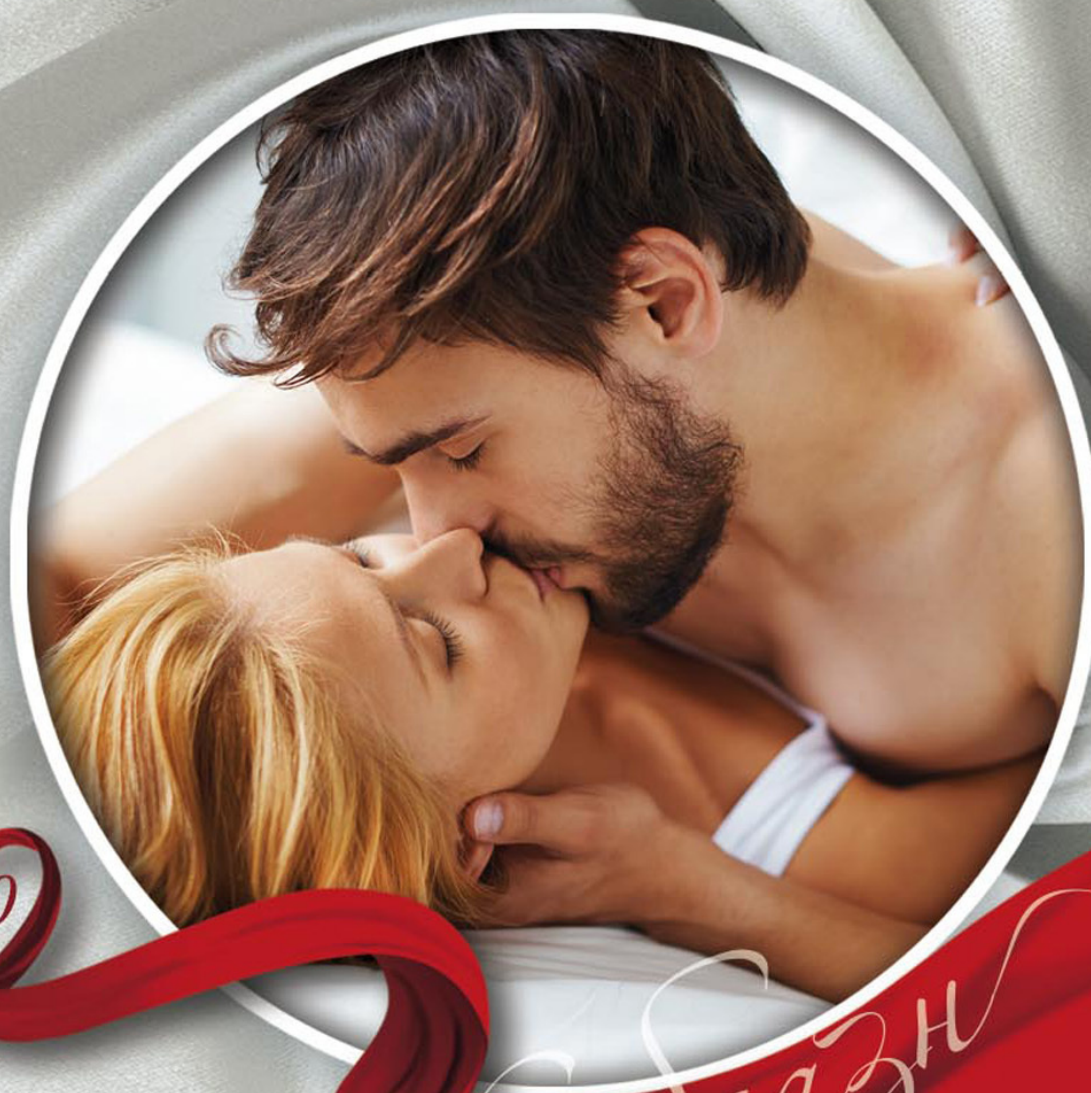

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элизабет Биварли

СОБЛАЗН
НА ГРАНИ РИСКА

310

 HARLEQUIN®

Соблазн

Соблазн – Harlequin

Элизабет Биварли
Соблазн на грани риска

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Биварли Э.

Соблазн на грани риска / Э. Биварли — «Центрполиграф»,
2017 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08581-8

Йигер Новак не умеет подолгу задерживаться на одном месте, вся его жизнь – опасное приключение, и менять ее он не собирается. Йигер верит в свое бессмертие и смеется в лицо опасностям до тех пор, пока не погибает в горах его друг. И тогда Йигер понимает: единственный способ оставить после себя память на Земле – это ребенок, и именно в этот момент его портниха Ханна обращается к нему с довольно странной просьбой, которая изменит их жизни раз и навсегда.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08581-8

© Биварли Э., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элизабет Биварли

Соблазн на грани риска

Elizabeth Bevarly
BABY IN THE MAKING

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Baby in the Making
© 2017 by Elizabeth Bevarly
«Соблазн на грани риска»
© «Центрполиграф», 2019
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

Главным образом Ханну Робинсон беспокоили не зияющие дыры на брюках и рубашке, и даже не кровь – она видела и похуже. Нет, больше всего ее беспокоило то, что Йигера Новака совершенно не смущают аккуратные свежие швы, стягивающие его кожу чуть выше края шелковых боксеров. Что ж, такова была жизнь портнихи, работающей в мастерской по пошиву мужской одежды, чей самый прибыльный клиент зарабатывал себе на хлеб, играя в кошки-мышки со смертью и организовывая опасные приключения для других. А после очередной авантюры он приносил в мастерскую на починку то, что осталось от одежды.

Йигер возвышался над Ханной, пока она стояла перед ним на коленях с рулеткой в руках. По правде говоря, когда она встала, он по-прежнему был выше ее почти на целую голову. Смахнув со лба прядь угольно-черных волос, он посмотрел на нее своими синими глазами и сказал:

– Никогда больше не подпущу к себе быка так близко. – Он бросил быстрый взгляд на свежий шрам на животе и разорванную одежду.

– В прошлом году после забега с быками вы говорили ровно то же самое. – Ханна заправила светлый локон за ухо и поправила свои очки для чтения.

– Правда? – озадаченно спросил он.

– Правда. Тогда вы впервые пришли к нам в «Кэткарт и Куинн», потому что ваш предыдущий портной отправил вас куда подальше, когда вы в очередной раз принесли ему груды растерзанной одежды, – напонила она. – К тому же, когда вы были в Памплоне в прошлом июле, вы успели забежать в кафе, прежде чем бык успел сделать что-то посерьезнее разорванной штанины.

– Точно, – сказал он. – Именно там я познакомился с Хименой. Надо признаться, одежда мне тогда еще долго не была нужна. Наверное, стоило отправить тому быку благодарственную открытку.

Несмотря на то что Ханна знала Йигера уже целый год, ее неизменно удивляла та легкость, с которой он рассказывал о своей сексуальной жизни. С другой стороны, его личная жизнь была почти такой же захватывающей, как и его работа, и, наверное, ему порой трудно было разграничивать их.

– Или отправить Химене сообщение с парой прощальных слов, – сказала Ханна, изо всех сил стараясь быть такой же непринужденной в общении.

– О, не беспокойся о Химене, – усмехнулся он. – Она тоже получила то, что хотела.

Ханна хмыкнула про себя: кто бы сомневался? Ее взгляд метнулся к кубикам пресса и выступающим сухожилиям на его подтянутом животе. Лишь многочисленные шрамы несколько смазывали впечатление, что это тело было вылеплено руками богов.

– Ну что, сможешь подлатать рубашку и штаны? – спросил он.

– С брюками проблем не будет, их просто надо хорошенько выстирать и вывести пятна крови, а вот рубашке одна дорога – на помойку. Не волнуйтесь, мистер Новак, я сошью вам точно такую же рубашку.

Он бросил на Ханну раздраженный взгляд.

– Сколько раз я говорил тебе называть меня Йигером?

– Много, – улыбнулась она. – А я столько же раз говорила, что это политика Кэткарта и Куинна называть всех клиентов мистер и миссис и исключительно на «вы».

Точно так же их политикой было обрядить единственную работавшую в ателье женщину в уродливый рабочий халат и заставлять ее всегда убирать волосы.

– В любом случае, – продолжила она, – я давно выучила наизусть ваши лекала и в два счета могу раскроить ткань для двух предметов одежды.

– За это я тебя и люблю, – улыбнулся он.

– Я знаю, – улыбнулась в ответ Ханна.

Йигер постоянно говорил Ханне, что любит ее. Любит за то, что она шьет для него одежду, которая сидит на нем как вторая кожа. За то, что она, как никто, может удалить любое пятно: будь то кровь, масло или жирный соус. И она тоже любила Йигера. Как итальянскую пасту, светлячков и закаты – с некоторым благоговением оттого, что эти вещи вообще существуют на свете.

Ханна снова вернулась к измерению шагового шва брюк, притворяясь, что это ей совершенно необходимо, хотя Ханна давно знала наизусть все его параметры. Но девушке прости-тельна небольшая вольность, особенно если у этой девушки уже восемь месяцев не было парня.

– Ты когда-нибудь была в Испании? – спросил ее Йигер.

– Я раньше жила в так называемом испанском Гарлеме, – сказала она, записав мерку ручкой на внутренней стороне запястья. – Это считается?

– Нет, – усмехнулся он. – Ты обязательно должна побывать в Испании, это потрясающая страна. Одно из пяти моих любимых мест на планете.

Ханна могла бы сказать, что ее топ-5 – это Квинс, Манхэттен, Бруклин, Бронкс и Стей-тен-Айленд, так как она никогда в жизни не выезжала за пределы Нью-Йорка. Первые восем-надцать лет жизни она находилась под опекой государства и не покидала юрисдикцию города, а в последующие девять лет у нее не было свободных денег, чтобы тратить их на путешествия. Ничего, путешествия могут подождать до тех пор, пока она не станет частью нью-йоркской индустрии моды. Но не могла же она сказать все это человеку, который построил многомил-лионный бизнес на экстремальных путешествиях.

– А какие остальные четыре места в списке? – спросила Ханна.

– Новая Зеландия, Словения, Чили и Исландия, – не задумываясь ответил Йигер. – Но если ты спросишь завтра, список может быть совершенно другим.

Ханна записала последние мерки на запястье и привычным жестом воткнула ручку в тугой пучок, который всегда носила на работе. Она поднялась на ноги, и Йигер по-прежнему возвышался над ней, хотя при ее миниатюрном росте над Ханной возвышались практически все.

– Готово, – сказала она. – Можете одеваться.

– Спасибо, что позаботишься об этом. – Он кивнул в сторону кучки разорванной одежды.

– Без проблем. Но вы могли бы сэкономить немало денег на одежде, если бы оставались в Нью-Йорке больше нескольких недель подряд.

– Я совершенно не способен оставаться где бы то ни было больше пары недель кряду. Я авантюрист и не собираюсь за это извиняться.

Ханна лишь покачала головой. Она не могла себе представить Йигера сидящим за столом перед компьютером или стоящим на конвейерной линии. Все равно что заставить Супермена работать парковщиком.

– Я просто прошу вас быть осторожным.

– Поверь, это – последнее, что человек вроде меня хочет услышать.

Но осторожность – именно то, что характеризовало всю жизнь Ханны. Нет, она вовсе не была трусихой – невозможно выжить в детском доме, будучи трусихой, но последние десять лет она старательно выстраивала собственную жизнь с чистого листа и не собиралась подвергать ее опасности. Сейчас у нее были стабильность и безопасность, и она ни за что на свете не станет ими рисковать.

– Новые брюки и рубашка будут готовы через неделю, – сказала Ханна.

– Отлично, – ответил Йигер, застегивая серую льняную рубашку. – Как раз к моей поездке в Гансбаай. Это в Южной Африке, – уточнил он прежде, чем Ханна успела спросить. – Я везу группу на дайвинг с большими белыми акулами.

– Кто бы сомневался. Сразу после того, как вас чуть не растоптал гигантский бык, почему бы не попробовать покормить собой акул?

Йигер усмехнулся.

– После этого я отправляюсь в Нунават, чтобы с несколькими приятелями взобраться на гору Тор.

– Интересно было бы взглянуть на ваш паспорт. Готова поспорить, он такой же толстый, как приключенческий роман.

– Да, примерно так и есть. Он толщиной с «Гарри Поттера и орден Феникса».

Ханна готова была поклясться, что приключения Йигера были не менее захватывающими, чем эта популярнейшая книга.

– Ну а я останусь здесь, буду сортировать образцы тканей и раскладывать катушки с нитками по цветам, – вздохнула она.

– И эта женщина будет говорить мне, что я опасно живу!

Над входной дверью магазина звякнул колокольчик, и Ханна повернулась в ту сторону.

– Прошу меня извинить, – сказала она, направляясь ко входу. – Когда вы будете готовы, чек уже будет на кассе.

Как только Ханна скрылась за дверью, мысли Йигера Новака снова вернулись к насущным делам. Когда твоя работа заключается в планировании экстремального отдыха для состоятельных людей, необходимо составлять тщательные планы, иногда даже на несколько лет вперед. Ему приходилось предусматривать миллион разных вещей – культуру и политический строй страны, ее потенциальную безопасность, сезонный климат, людей, которых предстоит подкупить... Список был просто бесконечным. И Йигер всегда тестировал предстоящее путешествие самостоятельно, прежде чем предложить его клиентам. Он должен был быть полностью уверен, что затея выполнима без риска для здоровья и жизни. Ну или почти без риска.

Он завязал галстук, закинул на плечо пиджак и направился к стойке у входа. Он видел, как Ханна склонилась над столом свою светловолосую голову и пара упрямых завитков выбилась из тугого пучка, который она всегда носила. Никогда в жизни он не встречал более закрытого человека, чем Ханна.

Словно почувствовав взгляд Йигера, она подняла голову и посмотрела прямо на него своими серебристо-серыми глазами. Ни у кого больше он не встречал такого цвета глаз, но вот что касается остального... Ее фигуру полностью скрывала бесформенная рабочая одежда, да и косметикой она, кажется, совсем не пользовалась. Да, Ханна была довольно симпатичной, такая девушка по соседству, но Йигеру совершенно не нравился такой типаж. Однако ему нравилось говорить с Ханной, она была умной и забавной девушкой, с отличным чувством юмора. И черт возьми, она шила отличную одежду. Пусть Йигер ничего не понимал в шитье и моде, но он всегда с одного взгляда мог отличить великолепно выполненную работу. И Ханна определенно это умела.

– Через неделю, – еще раз напомнила она, отрывая квитанцию от корешка.

– Спасибо, – ответил Йигер и взял у нее квитанцию. – Есть ли хоть небольшой шанс, что ты успеешь сшить еще одну такую же рубашку к этому времени? Я добавлю тебе сверху еще сто баксов, – поспешил заверить он, прежде чем Ханна успела отказаться.

Она слегка покусала нижнюю губу, и Йигер с удивлением осознал, что это выглядит довольно эротично.

– Мне запрещено брать чаевые.

– Ой, да перестань! Я не вижу здесь ни Лео, ни Монти.

– Мистер Кэткорт в Лондоне, а мистер Куинн ушел обедать.

– Тогда они ничего и не узнают.

Ханна тяжело вздохнула, как это делает человек, которому очень нужны деньги, но он изо всех сил борется с собой, чтобы ради этого не нарушить правила. Йигер был заинтригован: интересно, на что Ханне так необходимы деньги?

– Простите, я не могу. Мне очень жаль, но у меня совершенно нет времени, чтобы сделать рубашку здесь, в мастерской. Мы страшно опаздываем по срокам, – проговорила Ханна и быстро продолжила, прежде чем он успел что-то возразить: – Но я знаю одну швею, которая принимает заказы на дому. Она очень хороша в своем деле.

– Нет. – Йигер покачал головой. – Я не доверю свою одежду никому, кроме тебя.

– Мистер Новак, я гарантирую, что вам понравится ее работа. Я ее лично знаю.

– Но...

– Можно даже сказать, что мы с ней – единое целое, если вы понимаете, о чем я.

Ханна пристально посмотрела на него, и он сообразил, в чем дело: это Ханна берет работу на дом.

– Понимаю.

– Если вы откроете сайт частных объявлений «Крейглист» и вобьете в поисковик, скажем, «портниха в Саннисайде», ее имя будет первым в списке. Спросите у нее, сможет ли она сшить вам рубашку за неделю по той же цене, которую вы заплатили бы здесь, и я уверена, она сможет вам помочь.

Йигер достал из кармана телефон и открыл приложение.

– Я тебя нашел, – сказал он, и Ханна нахмурилась. – То есть ее, я нашел ее.

– Отправьте ей сообщение с запросом, и я уверена, она вам ответит, как только вернется вечером с работы.

– Отлично, спасибо, – сказал он, набирая сообщение.

– Но вам придется забрать рубашку у нее дома, – сказала Ханна. – Она не сможет принести ее сюда, и доставкой она тоже не занимается.

– Без проблем.

Он отправил сообщение и убрал телефон обратно в карман. Достав бумажник, Йигер отсчитал пять двадцатидолларовых купюр и положил их на столешницу. Ханна широко распахнула глаза и, быстро накрыв ладонью банкноты, сунула их в карман своей формы.

– Не хотите дождаться того момента, когда рубашка будет готова?

– Я тебе доверяю. – Он покачал головой.

– Спасибо.

– Нет, это тебе спасибо. Это была моя любимая рубашка, неплохо будет иметь запасную. Не то чтобы я собираюсь подпускать к своей одежде акул, но кто знает, где меня может поджидать очередная Химена.

Ханна кивнула, но Йигер не был уверен, что она его понимает. Девушка вроде нее не заводит случайных любовников, повинувшись сиюминутному порыву. Ханна была слишком закрыта, слишком скованна, какими бы красивыми ни были ее глаза и как бы эротично она ни закусывала губу. Он был уверен, что Ханна встречается только с правильными, но до безумия скучными мужчинами, а для Йигера это было хуже смерти.

– Увидимся через неделю, – сказал он, направляясь к выходу.

– Хорошего дня, мистер Новак.

Ровно через неделю, в тот самый день, когда к ней домой должен был прийти за рубашкой Йигер Новак, Ханна готовила ателье к закрытию. Весь персонал уже разошелся по домам, и Ханна складывала образцы тканей, чтобы забрать их домой. В холле тихо звякнул дверной колокольчик, и она нехотя оторвалась от своего занятия, надеясь, что посетитель не задержит ее слишком надолго.

Ханна впервые видела вошедшего мужчину, но, судя по его костюму – кажется, работы Паоло Афонте, – он вполне мог стать потенциальным клиентом. Светлые волосы мужчины были аккуратно подстрижены, глаза – холодные и колючие, а улыбка – натянуто-равнодушная.

– Добрый вечер, – поздоровалась она. – Я могу вам чем-то помочь?

– Ханна Робинсон? – спросил он. Ее удивление было довольно очевидным, поэтому мужчина быстро добавил: – Меня зовут Гас Фивер, я адвокат из манхэттенской юридической фирмы «Таррант, Фивер и Твигг», специализирующейся на составлении завещаний.

Его ответ удивил Ханну еще больше. Она не знала никого, кто мог бы включить ее в свое завещание. Когда Ханне было три года, ее мать умерла, и у нее не оказалось ни друзей, ни родственников, которые смогли бы взять на себя заботу о девочке, именно поэтому она оказалась в приемной семье. И теперь Ханна не могла себе представить, кто мог бы упомянуть ее имя в своей последней воле.

– Да, – осторожно сказала она. – Я Ханна Робинсон.

Улыбка Гаса Фивера стала гораздо искреннее после ее ответа. За несколько секунд он превратился из заносчивого манхэттенского адвоката в довольно приятного парня, и Ханна почувствовала себя немного увереннее.

– Отлично. – Даже его голос внезапно потеплел.

– Простите, но откуда вы меня знаете? – поинтересовалась она.

– Наша фирма ищет вас с начала года. А один из наших клиентов ищет вас куда дольше.

– Я не понимаю, зачем кому-то меня искать. Тем более что найти меня не так уж сложно.

Вместо того чтобы прямо ответить на вопрос, Фивер спросил:

– Вы ведь провели большую часть детства в приемной семье?

Ханна была настолько ошеломлена, что посторонний человек знает о ней то, чего не знает практически никто, даже ее самые близкие друзья, что лишь молча кивнула.

– Вас взяли под опеку в трехлетнем возрасте, после смерти вашей матери, Мэри Робинсон, как я понимаю?

– Да, – словно на автомате кивнула Ханна.

– А вы помните свою жизнь до этого момента? – осторожно спросил адвокат.

– Мистер Фивер, к чему вы клоните?

– Пожалуйста, потерпите еще немного, мисс Робинсон, и я все вам объясню.

Как правило, Ханна не открывалась людям до тех пор, пока не узнавала их как следует, но что-то в Гасе Фивере было такое, что она почувствовала, что может ему доверять.

– У меня остались лишь весьма смутные воспоминания. Я знаю, что мама работала бухгалтером в сварочной фирме на Стейтен-Айленде, где мы с ней и жили, но я знаю это лишь со слов. У меня не осталось ни памятных вещей, ничего. Все, что ей принадлежало, было продано с молотка, а вырученные средства помещены в трастовый фонд на мое имя, чтобы я смогла воспользоваться ими после совершеннолетия.

Не то чтобы денег оказалось много, но это позволило Ханне начать самостоятельную жизнь без особого стресса, и она была этому очень рада.

– А цвет глаз вы унаследовали от матери? – спросил мистер Фивер. – Не хочу показаться навязчивым, но они у вас такого необычного цвета...

Ханна за свою жизнь слышала такое количество комментариев по поводу цвета глаз, что давно уже перестала считать их навязчивыми.

– Нет, у мамы были голубые глаза.

– Значит, вы помните, как она выглядела?

– Нет. – Она покачала головой. – Но я была не совсем честна, когда сказала, что у меня не осталось памятных вещей. У меня есть мамина фотография. Одна женщина из социальной службы была так добра, что дала мне рамку с фотографией, прежде чем меня отдали в приемную семью. Она со мной всю мою жизнь, куда бы я ни переезжала.

– А она у вас, случайно, не с собой? – Мистер Фивер чрезвычайно заинтересовался этим фактом.

– Вообще-то с собой.

Ханна давно уже вытащила фотографию из рамки и теперь носила ее в кошельке. Это было единственное свидетельство того, что у нее когда-то была мать.

– Могу я на нее взглянуть?

Ханна хотела было ответить отказом, но любопытство взяло верх, теперь ей хотелось узнать, к чему все это приведет.

– Она у меня в кошельке.

– Я подожду, – улыбнулся Фивер.

Ханна достала из кошелька уже довольно потрепанную фотографию и протянула ее адвокату. Фотокарточка представляла собой обрезанный студийный портрет.

– А ваш отец? – спросил он, изучая фотографию.

– Я его не знаю, – ответила Ханна. – В моем свидетельстве о рождении отцом записан Роберт Уильямс, но вы представляете себе, сколько Робертов Уильямсов живет в Нью-Йорке? Его так и не смогли найти, и другой семьи, кроме мамы, у меня никогда не было.

Мистер Фивер вернул ей фотографию.

– Причина, по которой мы разыскивали вас, мисс Робинсон, состоит в том, что у нас есть клиент, чьим имуществом мы управляем с момента его смерти, пока разыскиваем его наследников. Это специализация нашей юридической фирмы: мы находим наследников, чья личность или местоположение неизвестны. Мы считаем, что вы можете быть единственной наследницей нашего клиента.

– Мне жаль вас разочаровывать, мистер Фивер, но, боюсь, это невозможно. Если бы у моей матери были родственники, их бы нашли еще двадцать пять лет назад.

Он открыл свою папку и быстро пролистал содержимое. Найдя фотографию, он протянул ее Ханне. Это была точно такая же фотография, которую Ханна трепетно хранила всю свою жизнь, только на ней рядом с ее матерью был светловолосый мужчина с серебристо-серыми глазами. И что поразило ее еще сильнее – на коленях матери сидел ребенок с точно такими же глазами, как у отца.

Ханна посмотрела на мистера Фивера. Она понятия не имела, что сказать.

– Это Стивен и Алисия Линден из Скарсдейла, штат Нью-Йорк, – сказал он. – Ребенок – их дочь Аманда. Миссис Линден с дочерью исчезли вскоре после того, как была сделана эта фотография.

В ушах у Ханны противно зазвенело. Откуда у мистера Фивера фотография, идентичная той, что есть у нее? Ребенок на коленях ее матери – это Ханна? А мужчина – ее отец? Что, черт возьми, вообще происходит?

– Я не понимаю... – единственное, что смогла выговорить Ханна.

– Однажды, когда Стивен Линден был на работе, Алисия взяла десятимесячную Аманду и ушла из дома, не взяв с собой ничего, кроме того, что было на них надето. – Он помолчал с минуту, тщательно подбирая слова. – Стивен Линден был... сложным человеком. Он, как бы это помягче сказать, плохо обращался с женой. Очень плохо. Алисия боялась за себя и свою дочь, но семья ее мужа была очень влиятельной, и она небезосновательно опасалась, что ей могут помешать уйти от мужа либо отобрать ребенка. Поэтому она обратилась в подпольную организацию, активно помогавшую женщинам, подвергшимся домашнему насилию. Эти люди предоставляли несчастным женщинам новые удостоверения личности, поддельные документы и небольшие суммы денег. С помощью этой организации Алисия и Аманда Линден начали новую жизнь как Мэри и Ханна Робинсон.

Ханну трясло. Она слышала каждое слово, произнесенное Гасом Фивером, но информация просто не укладывалась у нее в голове.

– Я... Простите, мистер Фивер, но все это... Вы говорите, что я – не тот человек, которым всегда себя считала. Это просто... – Она замолчала, когда ей в голову пришла внезапная мысль. – А мой отец, он еще жив?

– К сожалению, нет, – покачал головой Фи-вер. – Он умер почти двадцать лет назад. Клиент, разыскивавший вас, был вашим дедушкой по отцовской линии. Чендлер Линден.

Ханна шумно выдохнула. Каждому в Нью-Йорке было знакомо это имя. Предки Чендлера Линдена практически построили этот город.

– Чендлер Линден был миллиардером, – с трудом выговорила она.

– Так и есть, мисс Робинсон. Возможно, вы захотите пораньше закрыть ателье. Нам с вами о многом нужно поговорить.

Глава 2

Йигер Новак не слишком часто бывал в Квинсе, а если уж совсем откровенно, то он вообще там не бывал. Его помощница Амира должна была забрать рубашку у Ханны, но она в последний момент отпросилась у Йигера по семейным обстоятельствам, поэтому ему пришлось заняться оставшимися делами самостоятельно, включая поездку в Квинс. На метро! Однако в это время суток метро было самым быстрым способом передвижения в городе, а ему нужно было вернуться на Манхэттен как можно скорее.

Но сейчас, идя вниз по Гринпойнт-авеню к 44-й улице, он не хотел спешить. Квинс не был похож на Манхэттен, здесь все было неспешным и расслабленным, особенно сейчас, под конец рабочего дня. Солнце уже садилось за горизонт, купая малоэтажные здания в янтарном свете. Магазины постепенно закрывались, а официанты разномастных кафе выставляли у входа графитные доски с вечерним меню. С каждым новым шагом ему казалось, что время поворачивается вспять, и от этого ему хотелось идти еще медленнее.

Район, в котором жила Ханна, оказался еще более причудливым, чем он ожидал. Да, каждому свое. Йигер задохнулся бы в таком месте: тихом, уютном, семейном. Почему молодая симпатичная женщина с удивительными глазами и сексуальными губами живет здесь? Не то чтобы его каким-то образом касалась жизнь Ханны, просто ему было любопытно.

Ее квартира находилась на третьем этаже одного из типичных кирпичных домов, прямо над гватемальским рынком. Он позвонил в домофон, и дверь подъезда открылась. На третьем этаже было три квартиры, но прежде чем он успел позвонить в дверь, Ханна ее открыла.

По крайней мере, он думал, что это была Ханна, хотя она была совершенно не похожа на женщину, которую он привык видеть в ателье. Очков в черной оправе не было, а светлые волосы струились по плечам крупными волнами. Вместо бесформенной рабочей одежды на ней были полосатые шорты и красная рубашка без рукавов, завязанная узлом на животе. Несмотря на небольшой рост, ноги у нее оказались на удивление длинными, а ногти на изящных пальчиках были покрашены ярко-алым лаком.

Но не только это заставило его усомниться в том, что перед ним Ханна. Он всегда видел ее исключительно серьезной и отстраненной, но сейчас выражение ее лица говорило о том, что она всерьез встревожена.

– Ханна? – уточнил он на всякий случай.

– Да, привет, – сказала она. Голос еще сильнее, чем внешний вид, выдавал ее волнение. – Простите, я совсем забыла, что вы должны прийти.

– Разве моя помощница не написала тебе вчера, чтобы подтвердить договоренность?

– Написала, конечно, но сегодня... – Она покачала головой, словно стараясь физически отогнать тревожные мысли, но у нее это явно не получилось. – Я сегодня получила довольно... странные новости. Я просто... – Она вздохнула. – Я забыла о договоренности, – снова повторила она и, словно опомнившись, добавила: – Входите.

Она широко распахнула дверь и сделала шаг назад, давая Йигеру войти. Коридор, в который он вошел, был скорее широкой нишей, в которой они с Ханной едва поместились вдвоем. Когда он прошел вперед, Ханне пришлось протиснуться за его спину, чтобы закрыть дверь. Она вынужденно прижалась к нему обнаженной кожей, и Йигер впервые заметил, что она пахнет спелой сочной малиной.

Сделав еще один шаг вперед, Йигер оказался в единственной комнате. Кухней служили несколько бытовых приборов в небольшой нише, примыкавшей к единственному окну, выходящему на соседнее здание. Квартира была обставлена лишь самыми необходимыми предметами быта, а все остальное место занимали швейные принадлежности: три манекена, гладильная доска, швейная машинка, рулоны с тканью и полиэтиленовые пакеты с готовой одеждой.

– Полагаю, моя квартира несколько меньше вашей, – проговорила Ханна, совершенно верно истолковав его взгляд.

На самом деле квартира Ханна была меньше его спальни, но Йигер решил об этом умолчать.

– Немного, – уклончиво сказал он.

Ханна прошла мимо него, оставив после себя тонкий малиновый шлейф. Она подошла к вращающейся стойке с одеждой и сняла вешалку, накрытую полиэтиленом. Йигер проследовал за ней и заметил полупустую бутылку вина, стоявшую на деревянном подлокотнике кресла. Он подумал, что, возможно, помешал романтическому свиданию, но потом обратил внимание на то, что бокал только один.

– Хотите примерить рубашку, чтобы убедиться, что она хорошо сидит? – спросила Ханна.

Йигер подумал, что это хорошая идея: через два дня он уезжает, и у него не будет времени, чтобы подшить рубашку, если что-то не так. К тому же ему не хотелось оставлять Ханну одну в таком состоянии.

– Да, пожалуй, – кивнул он.

Йигер бросил пиджак на кресло, развязал галстук и начал расстегивать рубашку. К тому времени, как он разделся, Ханна уже освободила новую рубашку от чехла и теперь протягивала ее Йигеру. Сейчас Ханна показалась ему более спокойной, она снова стала похожа на саму себя. Его беспокойство за Ханну немного утихло, но ровно до тех пор, пока он не увидел в ее глазах настоящую панику.

Было совершенно очевидно, что Ханну что-то беспокоит, причем сильно. Йигер сказал себе, что это его совершенно не касается, и все же он продолжал задаваться вопросом, что же случилось. Поссорилась с парнем? Конфликт в семье? Проблемы на работе? Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не знает Ханну вне работы.

– Простите, – сказала она, когда Йигер надел рубашку, – но ткань не совсем та, что на рубашке, сшитой в ателье. Поскольку это подработка, я не могу использовать ту же ткань, она закупалась в Португалии, но я нашла здесь неплохую замену почти того же цвета. Надеюсь, вы не против. Это немного снизило цену.

Йигера не слишком волновала цена, для него были важны качество и фасон. Возможно, это было несколько поверхностно, но человеку, являющемуся лицом многомиллионной компании, необходимо хорошо выглядеть. И он всегда выглядел безупречно, во многом благодаря Ханне.

– Все отлично, – сказал он. – На самом деле эта ткань мне нравится даже больше, чем та, из которой ты шила в «Кэткарт и Куинн», у нее приятная фактура. Почему они отправляют на закупки в Лондон и Португалию не тебя?

– Этот вопрос лучше задать мистеру Кэткарту. – Ханна сказала это так, что Йигер понял: она неоднократно задавала этот вопрос, и каждый раз безрезультатно.

– Может, и задам, – сказал он, удивившись своему внезапному порыву стать защитником Ханна. – Или, может, тебе стоит начать свой собственный бизнес.

– Я пытаюсь, – кивнула она в сторону кронштейна с одеждой.

Йигер подошел поближе, чтобы рассмотреть, что же она шьет для других клиентов, и с удивлением увидел, что здесь в основном была детская одежда.

– Ты шьешь одежду для детей?

Вместо ответа, Ханна подошла к своей швейной машинке, чтобы взять визитную карточку и дать ее Йигеру. На бледно-лавандовом фоне было написано «Джоуи и Кит», а логотипом служили мордочки кенгуру и лисенка, соприкасающихся носами. Чуть ниже располагался слоган: «Любимые вещи счастливых детей», а под ним – номер телефона и электронная почта.

– Это твой бизнес? – спросил Йигер, рассматривая карточку.

– Да, я индивидуальный предприниматель, – кивнула она. – Я зарегистрировала торговую марку и логотип, все по правилам.

– Но почему детская одежда? Мне кажется, одежда для взрослых будет более прибыльной.

– Скорее всего, – уклончиво ответила Ханна. Йигер ждал, что она покажет ему что-то из вещей, но она этого не сделала. – Повернитесь спиной, чтобы я посмотрела, ровно ли сидят боковые вытачки.

Йигер послушно повернулся, уставившись в окно. Он не мог понять причину, но его действительно беспокоило то, что в квартире Ханны всего одно окно. Из панорамных окон его пентхауса открывался роскошный вид на Манхэттен, хотя он проводил в нем не слишком много времени. Независимо от того, в какой точке планеты находился Йигер, ему всегда было нужно что-то, на чем мог отдохнуть его взгляд. Горные вершины, исчезающие в облаках, саванны, простирающиеся до горизонта, бескрайние океаны. Пожалуй, чуть ли не главным в его путешествиях были именно виды. А Ханна жила в крошечной конуре с окном, выходящим на соседнее здание.

– Я обычно не делаю вытачки на мужских рубашках, – проговорила Ханна, – но у вас нестандартная фигура: при таких широких плечах довольно узкая талия...

Йигер сказал себе, что восхищенный вздох ему только послышался.

– В любом случае, – продолжала она, – сидит хорошо.

Ханна провела ладонью по его спине сначала с одного бока, потом с другого, ровно в тех местах, где проходили вытачки. Этот жест совершенно не был ни нарочитым, ни кокетливым, а исключительно профессиональным, и все же пульс Йигера почему-то участился.

– Можете переодеться.

Йигер вдруг поймал себя на мысли, что ему совершенно не хочется уходить. Он уверял себя, что все дело в том, что Ханна по-прежнему явно была чем-то обеспокоена. Он всегда видел ее в исключительно приподнятом настроении, но сегодня она была не похожа на саму себя, и это отчего-то беспокоило Йигера.

– Ханна, у тебя все в порядке? – неожиданно для самого себя спросил он.

Ханна взглянула на него, и в ее взгляде была настоящая паника. Она открыла рот, чтобы ответить, но не смогла выговорить ни слова, и это еще раз утвердило его в мысли, что что-то не так. Ханна никогда не лезла за словом в карман, у нее всегда был готов ответ на любой вопрос.

– Ты сегодня не похожа на саму себя, – сделал он еще одну попытку. – Все дело в новостях, которые ты сегодня получила?

Она кивнула, но вместо того чтобы посмотреть на Йигера, опустила взгляд. Ханна никогда так не делала. Напротив, она всегда предпочитала зрительный контакт, и это ему всегда в ней нравилось.

– Что это за новости?

Ханна явно колебалась. Затем она пожала плечами и проговорила:

– Это может не только полностью изменить мое будущее, но и подтверждает, что и мое прошлое могло быть совсем другим.

– Боюсь, я не совсем понимаю...

Ханна невесело хохотнула:

– Это чувство мне хорошо знакомо.

Видимо, вино оказало на Ханну куда большее воздействие, чем он думал. Возможно, он должен просто заплатить за свою рубашку и уйти. Да, ему определенно пора уходить.

– Хочешь поговорить об этом? – вместо этого спросил Йигер.

Услышав эти слова, Ханна на секунду подняла на него взгляд, а потом закрыла ладонями лицо и всхлипнула. И вот тогда Йигер понял, что у него серьезные проблемы, потому что Ханна

в слезах намного хуже, чем Ханна в панике. Паника в конце концов утихнет, а вот печаль... Печаль может продолжаться вечно, уж кому, как не Йигеру, это знать.

Однако Ханна не начала плакать. Она вытерла ладонями глаза и обхватила себя за плечи, но от этого жеста она стала выглядеть еще более отчаявшейся. Йигер почувствовал, как что-то словно сдавило его грудь, но он понятия не имел почему. Он ведь едва знал эту женщину, ему даже была неизвестна ее фамилия.

– Я чертовски хочу поговорить об этом, – мягко сказала Ханна. – Просто поговорить мне не с кем...

Это был его последний шанс просто развернуться и уйти. Последнее, чего он хотел, – выслушивать проблемы почти незнакомого человека. Ему просто надо подойти к входной двери и уйти, прямо сейчас.

– Дай мне минуту, чтобы переодеть рубашку, и тогда ты мне все расскажешь.

* * *

Пока Йигер переодевал рубашку, Ханна села в кресло, раздумывая над тем, что же сейчас произошло. Еще пару минут назад она в последний раз проверяла, как села на клиенте новая рубашка, на миг забыв о том, что ей сегодня поведал Гас Фивер, а минуту спустя Йигер Новак предлагает ей свое плечо, чтобы поплакаться.

Не то чтобы она в самом деле собиралась плакать – Ханне вовсе не хотелось испортить рубашку Йигера, но она была ему очень признательна за предложение поговорить. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя более одинокой, чем сейчас.

Она вняла совету Гаса Фивера и действительно закрыла магазин пораньше. Они просидели в кабинете больше часа, пока он рассказывал Ханне подробности о сложившейся ситуации. И эта ситуация включала в себя самые противоречивые плохие и хорошие новости одновременно. Войдя в свою квартиру, Ханна тут же принялась прочесывать Интернет в поисках информации о своей вдруг объявившейся семье и обдумывать все то, что она узнала. Она надеялась понять, какой выбор должна сделать, но пока не преуспела в этом. Может быть, Йигер, у которого нет личного интереса в этой ситуации, сможет дать ей дельный совет?

Ханна молча наблюдала, как Йигер переодевает рубашку, стараясь не очень откровенно пялиться на мышцы его пресса. По правде говоря, в ее крошечной квартирке было не слишком много деталей, на которые стоило обратить внимание, но даже если бы Ханну окружали фрески Сикстинской капеллы, она не смогла бы оторвать взгляд от Йигера. Ханна налила себе третий бокал вина, поскольку предыдущие два совершенно не смогли успокоить ее нервы.

– Хотите вина? – спросила она, с опозданием подумав, что хозяйка из нее так себе.

– Спасибо, не откажусь.

Ханна мельком взглянула на этикетку бутылки, снова с опозданием подумав, что дешевое столовое вино – явно не то, что привык пить такой человек, как Йигер Новак. Тяжело вздохнув, она достала из шкафчика еще один бокал и наполнила его вином. К этому времени Йигер переоделся и упаковал в целлофан новую рубашку.

Йигер присел на кушетку рядом с Ханной, заняв большую ее часть. Они сидели настолько близко друг к другу, что их бедра соприкоснулись, когда она повернулась, чтобы передать ему бокал. Ханна сделала глоток вина и поморщилась: до этого мгновения она даже не подозревала, что вино настолько отвратительно на вкус.

– Ну так что стряслось? – спросил он.

Ханна сделала глубокий вдох и медленно выпустила воздух. Ее все еще слегка трясло с того момента, как Гас Фивер обрушил бомбу на ее голову. Скажите на милость, а кто бы чувствовал себя иначе от перспективы унаследовать многомиллионное состояние? Если она его унаследует, конечно...

- Вы слышали о юридической фирме «Тар-рант, Фивер и Твигг»? – спросила она.
- Конечно, фирма довольно известна, у них много денежных клиентов.
- Так вот, сегодня вечером я встречалась с одним из учредителей.

Йигер не смог скрыть своего удивления от того, что девушка вроде Ханны общается с представителями такой фирмы, хотя он очень старался. Ханна оценила его попытку быть вежливым, но это было вовсе не обязательно. Она никогда не стыдилась ни своего происхождения, ни работы, наоборот, она гордилась тем, чего смогла самостоятельно достичь.

– Я знаю, это не совсем мой социальный уровень, но это не я с ними связалась, наоборот, они меня искали.

– Для чего?

– Ну, так вышло, что я оказалась кем-то вроде нью-йоркской великой княжны Анастасии Романовой.

Йигер выглядел озадаченным, и Ханна начала свой рассказ. Не называя имен и умолчав о многих подробностях, она рассказала ему о том, что родилась в семье, которой никогда не знала, и в городе, в котором – как она думала – никогда не бывала. Ханна рассказала ему о жестокости отца и бегстве от него своей матери, рассказала о поддельных документах и новой жизни на Стейтен-Айленде. Рассказала она и о смерти мамы, и о жизни в приемной семье. А закончила свой рассказ Ханна тем, как за один сегодняшний вечер превратилась из обычной швеи в потенциальную наследницу огромного состояния.

Йигер не произнес ни слова за все время ее повествования. Когда Ханна замолчала, он окинул ее долгим изучающим взглядом и залпом выпил вино из всего бокала, а потом скривился:

– Это просто невероятно.

– Я знаю, – вздохнула она, – и тем не менее это правда.

– Нет, – он покачал головой, – я имел в виду вино. Оно просто невероятно отвратительно.

– О...

– А что касается твоего рассказа... Это не тот разговор, который следует вести за бутылкой плохого вина.

– Да?

– Да. Этот разговор следует вести за бутылкой хорошего скотча.

– У меня нет скотча, – пробормотала она.

А даже если бы и был, он был бы не слишком хорошим.

– Тогда нам стоит его найти, согласна? – улыбнулся он.

Глава 3

Вместо хорошего скотча они нашли вполне приличное ирландское виски в пабе в квартале от дома Ханны. Перед выходом она быстро переоделась в юбку с ярким принтом, подходящую под рубашку, и босоножки на плоской подошве. К тому времени, как бармен принес напитки к угловому столику на двоих, который они заняли, Ханна постепенно снова начала чувствовать себя самой собой.

Она взглянула на Йигера и поняла, что он пристально смотрит на нее, не так, как обычно. Обычно он проявлял к ней не больше интереса, чем к простой портнихе, которая шьет для него одежду. Конечно, они непринужденно болтали каждый раз, когда Йигер приходил в мастерскую, но это было ничего не значащее ежедневное общение: такими простыми фразами обмениваешься мимоходом каждый день с бариста, кассиром или швейцаром. Но сейчас...

Теперь Ханна, казалось, безраздельно владела вниманием Йигера Новака. Его сапфировые глаза сверкали, как камни, которые они напоминали, и если раньше ей лишь казалось, что он мог видеть ее насквозь, то теперь она твердо была в этом уверена. Ее пульс вдруг участился, но сейчас это не имело никакого отношения к полученным сегодня новостям. Йигер, должно быть, увидел ее реакцию и подвинул к ней пузатый бокал с виски.

– Сделай пару глотков и расскажи мне еще раз, как ты попала на Стейтен-Айленд.

Ханна послушно глотнула виски, наслаждаясь разливавшимся по телу теплом. Она взглянула на Йигера и поняла, что он все еще внимательно изучает ее. Ханна была рада тому, что в пабе очень скудное освещение: она искренне надеялась, что в тусклом свете он не заметит, какое влияние на нее оказывает.

– Если верить мистеру Фиверу, – начала она свой рассказ, – моя мама получила помощь от группы, которая помогала женщинам сбежать от домашнего насилия. Они помогли нам получить поддельные документы на новые имена: свидетельства о рождении, номера социального страхования, трудовую книжку. Не знаю, как мама нашла этих людей, но она явно нуждалась в их помощи. Семья моего отца была очень влиятельной, и она, по всей видимости, всерьез опасалась, что ей либо не дадут уйти от мужа, либо не отдадут ей меня.

– Так кто же твой отец?

Ханна колебалась. Пока она прочесывала Интернет в поисках информации о себе, она столкнулась с рядом вопросов относительно того, почему она и ее мать исчезли из Скарсдейла четверть века назад. Некоторые журнальные и газетные статьи появились вскоре после тех событий, но многие материалы были довольно современными. Было странно и довольно жутко читать рассуждения незнакомцев о своей судьбе.

Некоторые были убеждены, что Стивен Линден забил жену и дочь до смерти, избавился от трупов и избежал тюремного наказания благодаря своему высокому социальному положению. Другие считали, что Аманду похитили ради выкупа, а ее мать помешала преступникам, и в итоге их обеих убили. Остальные догадки оказались ближе к истине: Алисия сбежала вместе с дочерью от мужа-тирана, и теперь они живут в безопасности в другой стране.

– Моего отца звали Стивен Линден. Он умер около двадцати лет назад. Меня разыскивал мой недавно умерший дед, Чендлер Линден. Похоже, он собирался оставить мне семейное состояние.

Йигер некоторое время молча изучал ее, а затем медленно произнес:

– Ты – Аманда Линден.

Ханна думала, что ему будет известно имя ее деда, но никак не ее собственное. Наверное, ей не стоило так удивляться, ведь многие знали об исчезновении Аманды.

– Ты знаешь об этом?

– Ханна, об этом все знают, – хмыкнул он. – Любой человек, когда-либо интересовавшийся нераскрытыми преступлениями, знает, кто такая Аманда Линден. Когда я учился в средней школе, то собирался стать частным сыщиком. Я знал каждую деталь этого происшествия.

– А я – нет, – сказала Ханна. – Я понятия не имела о том, что произошло, и уж точно не представляла, что это могло произойти именно со мной.

Ханна глотнула виски и была удивлена, насколько ей пришлось по вкусу его терпковатый вкус. Она не сомневалась, что это лучшее виски, которое имелось в этом пабе, поскольку Йигер заказал именно его. Ханна сделала еще глоток и посмаковала виски на языке.

– Значит, ты была рождена для богатства и всевозможных привилегий, – проговорил Йигер, – а вместо этого выросла в нью-йоркской системе опеки?

– Ага.

– Ну и как тебе этот опыт?

Ханна опустила взгляд и провела пальцем по ободку бокала.

– Не могу сказать, что он был ужасен, как у многих детей, попавших в систему, но и радостным его назвать не получится. Пару раз я действительно оказывалась в хорошем месте, с хорошими людьми. Но как только я начинала думать, что нашла место, в которое могу вписаться, меня выдергивали из семьи и отправляли в другое место, вписаться в которое у меня совершенно не получалось.

Ханна подняла взгляд и обнаружила, что Йигер изучает ее, как любопытный образец под микроскопом. Образец, который он никак не может расшифровать. И Ханна снова переключила внимание на свой бокал.

– Это, наверное, самое худшее – ни разу в жизни не почувствовать себя принадлежащей чему-то, не знать, что у тебя есть настоящие дом и семья. А теперь я знаю, что у меня на самом деле было и то и другое. Но ирония заключается в том, что, если бы я росла как Аманда Линден, со всем ее богатством и привилегиями, у меня был бы ужасный отец, который избивал мою мать и со временем мог бы переключиться на меня. Да, детство в приемных семьях не предел мечтаний, но я, по крайней мере, никогда не подвергалась физическому насилию. Меня игнорировали и унижали, но никогда не били. А Аманда...

Ханна не закончила свою мысль. Она не хотела даже думать о том, какая жизнь могла у нее быть, если бы мама не спасла ее. В каком же аду жила ее мать долгие годы, прежде чем страх за безопасность дочери заставил ее бежать без оглядки?

– Многие считают, что пренебрежение и унижение – тоже форма насилия, – мягко сказал Йигер.

– Возможно, – согласилась она. – Но я предпочитаю унижение жизни в роскоши, если к ней прилагается то, через что пришлось пройти моей матери до того, как она сбежала. Мне бы только хотелось, чтобы у нее было хоть немного больше времени, чтобы насладиться свободной жизнью, которую она смогла себе вернуть.

А еще Ханна жалела, что у нее самой почти не оказалось времени, чтобы как следует узнать свою маму, которая спасла ей жизнь во всех смыслах слова. Но Ханна так и не смогла поблагодарить ее за это.

– Твой дед, Чендлер Линден, был миллиардером, – сказал Йигер тем же спокойным голосом, которым говорил с ней весь вечер.

Желудок Ханны скрутился в тугой узел. Она боялась произнести эту фразу вслух, но теперь, озвученная Йигером, она стала реальной, почти осязаемой. Сердце ее снова застучало как сумасшедшее, глаза затуманились. Боясь не совладать с собой, Ханна залпом допила свое виски.

– Да, – тихо сказала она, поставив бокал на стол.

– Значит, теперь миллиардер – это ты.

– Ну, не совсем. Я могу стать миллиардером, – поправила Ханна.

– Как это? – не понял Йигер. – Ты сказала, что дед завещал тебе свою империю, так чего они ждут? Теста ДНК?

– Мистер Фивер взял образец моей слюны, так что тест – это только формальность для суда, никто не сомневается в том, что я – Аманда. Я унаследовала не только цвет глаз от отца, но и родинку в форме полумесяца на левой лопатке – отличительный знак Линденов. И да, мой дед хотел, чтобы я унаследовала все его имущество, но есть определенные... условия, которые я должна соблюсти, прежде чем смогу вступить в права наследования.

– Какие условия?

Ханна одним глотком допила остававшееся в ее бокале виски, и еще до того, как она успела поставить бокал на стол, Йигер дал знак официанту, чтобы тот повторил заказ. Ханна хотела было сказать, что ей не нужна добавка, но потом вспомнила, какие именно требования предъявил ее дед, и схватила бокал Йигера, осушив его до дна. Ей понадобится все ее мужество, чтобы рассказать обо всем, тем более такому человеку, как Йигер. Ханна постаралась собрать воедино свои мысли, которые почему-то разбежались в разные стороны.

– Линдены всегда были очень богаты, – сказала она, – но при этом были не слишком... плодovitы. И я – последняя представительница рода. Мой отец был единственным ребенком Чендлера Линдена, и он больше не женился. Сестра моего деда никогда не была замужем, и детей у нее не было. У их отца были братья-близнецы, но они умерли еще в подростковом возрасте от осложненного гриппа. С каждым поколением генеалогическое древо Линденов становилось все немощнее, пока, наконец, не осталась одна я. – Ханна немного помолчала. – Видимо, мой дедушка был в таком ужасе от того, что Линдены больше не будут украшать своим присутствием этот мир, что решил потуже затянуть узел на пути к моему наследству.

– Узел?

– Скорее удавку на шею...

– Ханна, я не понимаю, о чем ты.

Ханна вздохнула:

– Мой дед поставил одно условие, чтобы я смогла получить наследство. Он хотел убедиться, что я продолжу род Линденов.

– Продолжишь род?

Она кивнула, раздумывая, как бы потактичнее рассказать Йигеру, что задумал ее дед. Наконец она решилась:

– Для того чтобы я смогла унаследовать миллиарды Линденов, мне придется стать инкубатором.

– Он требовал, чтобы ты родила в обмен на наследство? – Брови Йигера удивленно поползли вверх.

– Да, именно этого он и потребовал. Чтобы унаследовать семейное состояние, я должна либо уже быть матерью, либо собраться ею стать.

– И он действительно может этого требовать?

– Видимо, да. По крайней мере, формулировка завещания подразумевает, что если меня найдут после его смерти и у меня уже будет на тот момент хотя бы один ребенок, то никаких проблем – вот тебе деньги, которые не потратить за одну жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.